

«СЧИТАТЬ ИХ НА ПОЛОЖЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ПОДДАННЫХ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РОССИИ...»: ОСВОБОЖДЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ-ЮГОСЛАВЯН В СИБИРИ В 1919–1920 гг.

Р. Г. Гагкуев 

Институт российской истории РАН, Россия, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

 gagkuev@yandex.ru

Статья посвящена комплексному анализу попытки Российского правительства адмирала А. В. Колчака весной 1919 г. решить проблему содержания военнопленных Первой мировой войны в Сибири путем освобождения и репатриации лиц «романо-славянского» происхождения, в первую очередь сербов, хорватов и словенцев.

На основе широкого круга неопубликованных источников из российских и французских архивов реконструируется процесс межведомственных и дипломатических консультаций между Омском, ставками союзного командования в Сибири и европейскими столицами. Выявляется комплекс причин, по которым эта инициатива потерпела неудачу: осторожная, а зачастую и скептическая позиция командования войск Антанты в Сибири во главе с генералом М. Жаненом, справедливо указывавшего на риски дестабилизации общественного порядка и отсутствие транспортной инфраструктуры для массовой эвакуации; неготовность национальных государств в Европе оперативно организовать прием своих граждан; внутренние бюрократические сложности.

В результате освобождение было отложено, и судьба тысяч югославян решилась лишь после окончания Гражданской войны, а их возвращение на родину растянулось на 1920–1922 гг., пройдя через этапы пребывания в лагерях, участия в белых формированиях и долгой репатриации.

Ключевые слова: военнопленные, Антанта, интервенция, Первая мировая война, Гражданская война, Белое движение, Белая Сибирь

Для цитирования: Гагкуев Р. Г. «Считать их на положении иностранных подданных, проживающих в России...»: освобождение военнопленных-югославян в Сибири в 1919–1920 гг. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 2. С. 21–29. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-21-29>. EDN: TBATUM.



© Гагкуев Р. Г., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

"CONSIDER THEM IN THE POSITION OF FOREIGN SUBJECTS LIVING IN RUSSIA...": THE LIBERATION OF YUGOSLAV PRISONERS OF WAR IN SIBERIA IN 1919–1920

R. G. Gagkuev 

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Dmitriya Ul'yanova St., 19, Moscow, 117292, Russia

 gagkuev@yandex.ru

The article provides a comprehensive analysis of the attempt by Admiral A. V. Kolchak's Russian Government in the spring of 1919 to address the issue of maintaining World War I prisoners of war in Siberia by releasing and repatriating individuals of "Romano-Slavic" origin, primarily Serbs, Croats, and Slovenes.

Considering a wide range of unpublished archival documents from Russian and French repositories, the article reconstructs the process of interdepartmental and diplomatic consultations between Omsk, the headquarters of the Allied command in Siberia, and European capitals. The paper reveals a complex set of reasons for the failure of this initiative: the cautious and often skeptical stance of the Allied command in Siberia led by General M. Janin, who rightly pointed to the risks of destabilizing public order and the lack

of transport infrastructure for mass evacuation; the unpreparedness of the newly formed national states in Europe to promptly organize the reception of their citizens; and internal bureaucratic complications.

As a result, the release was postponed. The fate of thousands of Yugoslavs was only resolved after the end of the Civil War, and their return home stretched over 1920–1922, involving stages of continued internment in camps, participation in White formations, and a lengthy repatriation process.

Keywords: prisoners of war, Entente, intervention, World War I, Civil War, White movement, White Siberia

For citation: Gagkuev R. G. "Consider them in the position of foreign subjects living in Russia...": The liberation of Yugoslav prisoners of war in Siberia in 1919–1920. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026;11(2):21–29. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-21-29>. EDN: TBATUM. (In Russ.).



© Gagkuev R. G., 2026.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Постановка проблемы

Огромное количество пленных стран Центрального блока, содержащихся в концентрационных лагерях к востоку от Урала на протяжении 1918–1919 гг., было источником проблем для всех контрреволюционных правительств, возникавших на этой территории. Это касается как Временного Сибирского правительства, так и, прежде всего, — Российского правительства адмирала А. В. Колчака. К 1 марта 1919 г. общая численность пленных, находившихся в лагерях Сибири и Дальнего Востока, составляла 165 505 человек [1, л. 11]. Всех их необходимо было содержать (при том, что часть из них задействовалась на разного рода работах), охранять, следить за настроениями, которые, нередко, представляли вполне реальную угрозу для существовавшей в Сибири и на Дальнем Востоке власти, а также вести подготовительную дипломатическую работу по их возвращению на родину. Для Российского правительства ситуация осложнялась созданием командованием войск Антанты в Сибири разного рода национальных формирований, подчинявшихся главному сил интервентов к западу от озера Байкал французскому дивизионному генералу М. Жанену.

В этом свете вполне понятно стремление колчаковского правительства как можно быстрее сократить объем проблем, связанных с пребыванием в Сибири, по крайней мере, части военнопленных. Показательно стремление и Российского правительства, и командования Антанты выделить из общей массы военнопленных славянского и романского происхождения, представлявших либо вновь образующиеся славянские государства в Европе, либо сами страны Антанты. В этом свете представляет интерес попытка освобождения в числе военнопленных «романо-славян» — сербов, хорватов и словенцев.

В 1918–1919 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке был сформирован ряд формирований, как правило, невысокой численности, состоящих из сербов, хорватов и словенцев, или, как называли их в это время в Сибири и русские, и союзные военные, — югославян [2, с. 228–229]. Попытаться подсчитать, сколько из находившихся в Сибири и на Дальнем Востоке пленных были сербами, сколько — хорватами или словенцами, сегодня едва ли представляется возможным. С одной стороны, это не позволяло сделать имеющиеся документы, в которых отсутствует какое-либо разделение «югославян» по национальному признаку. С другой

стороны, вероятно, и сами военнопленные, бывшие подданные Австро-Венгрии и Германии, во многих случаях затруднялись определить, подданными какого нового государства в Европе им предстоит стать. По замечанию входившего в состав Французской военной миссии в Сибири слависта Ж. Легра русские «стали называть сербами тех, кто действительно воевал, а югославами — тех, кто не вышел за рамки организационного периода» [3, р. 59] в создании воинских частей. На конец января 1919 г. на белом Восточном фронте действовало множество частей, сформированных из сербов и других южных славян, общая численность которых составляла к тому времени около 9000 человек. Не меньшее количество южных славян находилось в заключении в концентрационных лагерях на огромном пространстве Сибири и Дальнего Востока.

Методология и источники

Основу исследования составляет комплекс неопубликованных источников из фондов Российского государственного военного архива (РГВА) и Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), в частности материалы Главного штаба, Военного министерства Российского правительства, Министерства иностранных дел (МИД) и Комиссии по делам о пленных МИД. Ключевой корпус источников составляют делопроизводственные материалы, включая служебную переписку, протоколы совещаний, статистические сводки и нормативные акты, отражающие как процесс принятия решений, так и их практическую реализацию на местах. Для реконструкции взглядов командования войск Антанты и проведения внешнеполитической оценки привлечены документы из французских военных архивов (Service historique de la Défense). Помимо архивных материалов, в работе использованы мемуары и публицистика современников событий, такие как воспоминания дивизионного генерала М. Жанена и аналитические статьи участника Французской военной миссии в Сибири Ж. Легра.

Методологическую основу статьи составляют принципы историзма и системности. Проблемно-хронологический подход применяется для детальной реконструкции этапов подготовки, обсуждения и отказа от инициативы по освобождению военнопленных. Сравнительно-исторический метод используется для анализа позиций и аргументации различных сторон — российских (омских) вла-

стей, союзного командования и европейских правительств. Статистический метод задействован при обработке данных о численности и составе военнопленных, что позволяет оценить масштабы проблемы и проследить ее динамику. Сочетание этих методов позволяет не только восстановить ход событий, но и выявить комплекс причин (политических, логистических, бюрократических), обусловивших провал инициативы Российского правительства весной 1919 г.

Планы освобождения «романо-славян»

Уже 8 февраля 1919 г. военный министр генерал-майор Н. А. Степанов писал в Совет министров: «В связи с событиями в Австро-Венгрии славянские народы, входившие в состав бывшей империи, объявлены свободными и самостоятельными. Таким образом, находящиеся ныне в русском плену солдаты романо-славянского происхождения бывшей Австро-Венгерской империи (поляки, карпато-русы, украинцы (здесь и далее речь идет о жителях Галиции, входившей к началу Первой мировой войны в состав Австро-Венгрии и мобилизованные в ее армию. — Р. Г.), сербы, хорваты, словенцы¹, чехо-словаки, румыны и итальянцы) стали свободными гражданами соответствующих вновь образовавшихся государств и дальнейшее содержание их в России в концентрационных лагерях на положении военнопленных не только не является необходимостью, но и ложится чувствительным бременем на государственный бюджет». Исходя из этого, военный министр для облегчения ситуации предлагал: «1) Предоставить военнопленным романо-славянского происхождения свободу в выборе места жительства и рода деятельности на территории Российской государства, считая их на положении иностранных подданных, проживающих в России. 2) Выдать при освобождении из концентрационных лагерей всем военнопленным романо-славянского происхождения личные удостоверения. 3) Военнопленных романо-славян, по желанию, либо на основании пункта I сего доклада, содержать в концентрационных лагерях на иждивении государства лишь до 15 мая сего года. 4) Регистрацию оставшихся в лагерях военнопленных романо-славян продолжить Главным штабом лишь до 15 мая сего года» [4, л. 44–44 об.].

Подобное смелое предложение, очевидно, не просчитывало всех возможных последствий освобождения из лагерей уже в мае 1919 г. десятков тысяч военнопленных. Тем не менее его проработка была начата Министерством иностранных дел. Так, МИД Российского правительства 20 февраля запрашивал посланника в Афинах Е. П. Демидова: «Не откажите по сношению с Белградом и Бухарестом выяснить отношение сербского и румынского правительств к предполагаемому Военным ведомством освобождению из концентрационных лагерей военнопленных бывших австро-венгерских подданных сербов, хорватов, словенцев и с предоставлением им права свободного места жительства в России в качестве иностранных подданных, причем не пожелавшие воспользоваться свободой будут содержаться в лагерях до 15 мая сего года» [4, л. 47].

Управляющий Министерством иностранных дел И. И. Сукин 6 марта 1919 г. отчитывался перед военным министром Н. А. Степановым, что «...по вопросу об освобождении из концентрационных лагерей военнопленных романо-славянско-

го происхождения Министерство иностранных дел запросило через своих представителей за границей мнения итальянского, сербского и румынского правительств, а также в отношении чехо-словаков вошло в сношение с дипломатическим представителем Чехо-Словацкой республики г[осподином] [Б.] Павлу и в отношении поляков с генералом Жанен[ом], имея в виду, что до сего времени Русское правительство еще не находится в официальных сношениях с польским правительством». Одновременно МИД доводил до Военного министерства мнение командования войск интервентов [4, л. 50–50 об.].

31 марта И. И. Сукин сообщал военному министру Н. А. Степанову копии секретных телеграмм российского посла в Риме М. Н. Гирса и российского посланника в Афинах Е. П. Демидова по вопросу об освобождении военнопленных романо-славян [4, л. 63]. Если Гирс еще 22 марта сообщил о признательности итальянского правительства за освобождение военнопленных-итальянцев [4, л. 60], то Демидов определенно ответил только 18 апреля: «Сербское правительство не встречает препятствий к освобождению пленных сербов и согласно, чтобы освобожденные оставались в России до наступления возможности возвращения их на родину» [4, л. 61]. 29 апреля Демидов направил новую телеграмму, сообщая мнение Военного министерства в Белграде о том, «...что находящиеся [в] России пленные сербы, х[орваты] и с[ловенцы], а равно подданные вообще Сербов, Х[орватов] и С[ловенцев] Королевства не должны быть рассматриваемы как пленные. Военное министерство принимает меры водворения их на родину через Владивосток, куда скоро идет военная миссия» [4, л. 73].

Реакция представителей Антанты и дипломатические консультации

Еще 28 февраля 1919 г. И. И. Сукин направил запрос о мнении по возможному освобождению пленных «романо-славян» главнокомандующему войскам Антанты в Сибири к западу от озера Байкал дивизионному генералу М. Жанену, одновременно занимавшему и должности главнокомандующего корпуса (Чешско-Словацкого войска) и начальника Французской военной миссии в Сибири. Уведомляя его о намерении Военного министерства «освободить всех военнопленных романо-славянского происхождения» находящихся в концентрационных лагерях, он сообщал также о начале переговоров МИД по этому вопросу с Белградом, Бухарестом и Римом, а также постановкой в известность представителя Чехословацкой Республики. Сукин просил Жанена рассмотреть этот вопрос, а также прояснить мнение правительства Польши «...на освобождение военнопленных поляков, поскольку до сего дня Русское правительство еще не находится в официальных отношениях с Польским правительством» [4, л. 49–49 об.].

М. Жанен сразу довольно скептически отнесся к идее военного министра Российского правительства. «Согласно желанию, выраженному вашим превосходительством, я передам в Париж, переговорив предварительно с г[осподином] верховным комиссаром (графом Д. де Мартемом. — Р. Г.), просьбу, касающуюся Польского правительства», — сообщал он 3 марта 1919 г. При этом французский генерал сразу обращал внимание И. И. Сукина на то обстоятельство, что, так как переговоры о мире в Париже только что начались, «...юридическое положение пленных является не впол-

Таблица 1. Сведения об общей численности военнопленных романо-славян, содержащихся в прифронтовой полосе и в Омском и Иркутском военных округах. Февраль 1919 г.

Table 1. Information on the total number of Romano-Slavic prisoners of war held in the front-line zone and in the Omsk and Irkutsk military districts. February 1919

Пункты	Налицо				В лечебных заведениях		На работах		Всего	
	Трудоспособных		Нетрудоспособных							
	офицеров	солдат	офицеров	солдат	офицеров	солдат	офицеров	солдат	офицеров	солдат
Всего	505	15 154	45	1570	28	615	15	24 117	593	41 456

не определенным до того момента, когда трактаты не будут окончательно подписаны. Этот пункт не имеет, очевидно, вполне решающего значения для военнопленных чехо-словаков, граждан государства признанного и с почти точно определенными границами. Но существует полная неуверенность касательно карпато-русов и украинцев, будущая юридическая национальность коих не определена. Даже для поляков, юго-славян, итальянцев, румын из Трансильвании, границы еще во многих местах не определены». Оставляя в стороне этот юридический вопрос, Жанен обращал внимание Сукина на то, что планируемое освобождение ставит вопрос: «Что будет с пленными, выпущенными на свободу сегодня и завтра остающимися без крова и без средств к существованию»? «Можно спрашивать себя, справедлива ли такая мера с международной точки зрения, — продолжал он, — но надо главным образом подумать о том, что, если перед тем днем, когда русское Военное министерство откроет перед ними концентрационные лагеря, не будут приняты меры для того, чтобы эвакуировать этих пленных из страны, или чтобы дать им возможность где-нибудь поместиться и жить своим трудом, — можно быть уверенным, что увеличится количество элементов, вносящих беспорядок». Жанен справедливо обращал внимание омских властей на то обстоятельство, что освобождение пленных славянского и романского происхождения «...увеличит деятельность различных агитаторов, которые заняты или займутся ими, увеличит, вероятно, и стеснение, которое вызывает здесь то переполнение, которым мы будем обязаны пленным, т[ак] к[ак] для людей, освобожденных на свободу, нужно будет, конечно, больше помещений и т. д.» «Можно представить себе, что результат будет только казаться выгодным, если не будут приняты предварительные меры, аналогичные вышеупомянутым», — заключал он [4, л. 65–65 об.].

Численность и состав военнопленных-югославян: анализ статистических данных. Одновременно шло уточнение количества пленных славянского и романского происхождения в лагерях Сибири и Дальнего Востока. Санитарный капитан первого класса Д. Костич в донесении от 29 января 1919 г. оценивал суммарную численность югославянских частей на белом Восточном фронте в 7655 человек [5, с. 191]. Правда, в это число не входило еще примерно 1500–1700 штыков 1-го югославянского полка имени М. Губеца в Томске [3, р. 47–48; 5, с. 188], вместе с которыми получалось свыше 9000 сербов, хорватов и словенцев в разных полках, батальонах и ротах в рядах белых. Еще примерно 1500 человек

Костич относил к разного рода торговцам и спекулянтам. Кроме того, исходя из данных, имевшихся в штабах Чехословацкого корпуса, он насчитывал порядка 7000 военнопленных в концентрационных лагерях Сибири и Дальнего Востока. Итого получалось около 17000–18000 югославян на белом Восточном фронте под ружьем и в качестве заключенных в лагерях.

Документы позволяют уточнить реальную численность югославян-военнопленных в сибирских лагерях. Второй департамент МИД 25 февраля 1919 г. запрашивал военное ведомство сообщить сведения о количестве военнопленных романо-славянского происхождения, подлежащих освобождению из концентрационных лагерей [4, л. 53]. Исполняющий должность начальника Мобилизационного отела Главного штаба полковник Н. В. Шереховский в феврале в ответ направил сначала общие сведения о числе военнопленных романо-славянской национальности, содержащихся в прифронтовой полосе и в Омском, и Иркутском военных округах (табл. 1), без информации по национальному составу [4, л. 54–55].

Внушительная общая численность — свыше 40000 человек, вероятно, произвела немалое впечатление и дало понимание Министерству иностранных дел о масштабах проблемы. 7 марта 1919 г. Второй департамент МИД дополнительно запрашивал мобилизационный отдел Главного штаба, попросив предоставить сведения о числе военнопленных по каждой из национальностей, обозначенных ранее военным министром, «...а именно количество поляков, карпато-русов, украинцев, сербов, хорватов, словенцев, чехо-словаков, румынов и итальянцев» [4, л. 56].

Полученные 9 марта 1919 г. сведения о числе военнопленных романо-славянских национальностей (табл. 2) давали наглядную картину об их национальном составе [4, л. 58]. Срез данных показывал минимальное количество офицеров при нескольких десятках тысяч солдат, из которых наибольшее число составляли «юго-славяне» (без подразделения на сербов, хорватов и словенцев), поляки и румыны.

Сведения о численности военнопленных в лагерях Сибири и Дальнего Востока на протяжении 1919 г. позволяют увидеть динамику ее изменения, что, очевидно, было связано с переходом вчерашних пленных в число добровольцев не только в непосредственно югославянские части, но и в другие национальные формирования (прежде всего — Чехословацкий корпус), которые велись французским главнокомандующим войск Антанты М. Жаненом

Таблица 2. Сведения о численности военнопленных романо-славян, содержащихся в прифронтовой полосе и в Омском и Иркутском военных округах (с разбивкой по национальностям). 9 марта 1919 г.
Table 2. Information on the number of prisoners of Romano-Slavic prisoners of war held in the front-line zone and in the Omsk and Irkutsk military districts (by nationality). March 9, 1919

Армия, звание	Офицеров						Солдат						Всего	
Национальность	чехов	поляков	юго-славян	украинцев	румын	итальянцев	чехов	поляков	юго-славян	украинцев	румын	итальянцев	офицеров	солдат
Пункты														
1. Налицо в концентрационных лагерях	164	176	110	88	3	7	833	3683	3873	3227	3986	512	548	16 114
2. В лечебных заведениях	9	6	2	1	1	9	35	84	147	68	115	64	28	513
3. На работах	1	8	6	—	—	—	2665	6190	5663	3902	4613	987	15	23 020
Всего	174	190	118	89	4	16	3533	8957	9683	7197	8714	1563	5912	39 647
Кроме того, в прифронтовой полосе Зап[адного] фронта находится ром[ано]-славян													2	1809
Итого													593	41 456

(табл. 3). Особенно заметно их сокращение — более чем вдвое — в апреле 1919 г., что, возможно, было связано также с уточнением национального состава пленных.

Позиция генерала М. Жанена

По общей численности пленные романо-славянского происхождения, находящиеся в лагерях, были соотносимы с численностью Чехословацкого корпуса, что сразу ставило ряд проблем, решения которых в Сибири попросту не было. И. И. Сукин 12 апреля 1919 г. предлагал военному министру Н. А. Степанову «...сообщить заинтересованным правительствам, что Российское правительство, беря на себя почин освобождения романо-славян, крайне озабочено вопросом их дальнейшей судьбы и просит названные правительства помочь им присылкой тоннажа и организацией помощи и эвакуации освобожденных пленных посредством командирования в Сибирь специальных агентов». Запрашивая мнение Военного министра по этому вопросу, он одновременно просил, учитывая, что освобождение военнопленных романо-славянского происхождения предполагалось провести уже 15 мая, рассмотреть возможность отложить его «...до выяснения размеров той помощи, какую могут оказать пленным романо-славянам их правительства» [4, л. 67–67 об.].

К письму прикладывалось мнение главнокомандующего войсками Антанты в Сибири М. Жанена, ведавшего также национальными формированиями из бывших пленных и хорошо представлявшего себе последствия единовременного освобождения нескольких десятков тысяч человек в мае 1919 г. В сообщении И. И. Сукину от 7 апреля, подчеркивая, что его компетенции могут касаться исключительно юридической точки зрения, тем не менее он обращал его внимание, что освобождение пленных «может отразиться на общественной жизни». «Ответы, получаемые от различных правительств, пленные которых будут эвакуироваться, должны еще более убедить Русское правительство в его решениях, — продолжал он. — Во всяком случае, мне

Таблица 3. Динамика численности пленных югославян в лагерях Сибири и Дальнего Востока [6, л. 123 об. – 124, 131 об. – 132, 97 об. – 98, 37 об. – 39]

Table 3. Dynamics of the number of Yugoslav prisoners in the camps of Siberia and the Far East [6, л. 123 об. – 124, 131 об. – 132, 97 об. – 98, 37 об. – 39]

Дата	Офицеры	Солдаты	Всего
15 января 1919 г.	92	9886	9978
1 марта 1919 г.	106	10 580	10 686
1 апреля 1919 г.	36	4151	4187
1 июня 1919 г.	44	4576	4620
1 августа 1919 г.	30	4452	4482
1 сентября 1919 г.	26	4471	4497

не кажется достаточным, чтобы какое бы то ни было правительство удовлетворилось бы одним лишь выражением желания освобождения своих подданных для их возвращения на родину; необходимо, кроме того, чтобы оно указало условия, при которых будет происходить этот обмен, а также для координирования освобождения с эвакуацией и избежания возможных беспорядков при условии предоставления их самим себя» [4, л. 66–66 об.].

Далее М. Жанен вновь возвращался к последствиям освобождения нескольких десятков тысяч пленных для внутривосточной ситуации. «Считаю излишним подчеркивать те опасности, которые могут создаться в отношении общественного порядка, — предупреждал французский генерал. — От Вас не должно ускользнуть, что, за исключением Италии, обладающей значительной флотилией, условия (эвакуации в Европу. — Р. Г.) эти не так легко выполнимы. В настоящее время ни одно из заинтересованных правительств не имеет в своем распоряжении желательных средств передвижения на море и не может точно определить, при каких условиях, в каком количестве и когда оно будет в состоянии их выполнить, так как следует принять во внимание тяжелое положение, созданное войной» [4, л. 66–66 об.]. Подобная осведомленность

Жанена о положении дел с тоннажем не была случайной — в это время он уже активно прорабатывал вопрос эвакуации из Сибири подчиненного ему Чехословацкого корпуса и других национальных формирований. Еще один хорошо знакомый ему вопрос — неудовлетворительное состояние и работа Транссибирской железной дороги. Он обращал внимание, что в виду этого невозможно обозначить точные сроки отправки пленных во Владивосток. «Из вышесказанного следует, что недостаточно одного выражения желания правительств об освобождении своих новых граждан, — заключал Жанен. — Необходимо, чтобы оно предвидело последствия и могло бы обеспечить их существование до неопределенного срока их отъезда, руководя их организацией во избежание возможных, упомянутых выше, недоразумений и для сохранения общественного порядка...». Он справедливо указывал, что без соблюдения предосторожностей «...и без тщательной разработки этого вопроса освобождение пленных может повлечь за собой усиление беспорядков» [4, л. 66 — 66 об.].

Отказ от идеи освобождения и введение льготного режима содержания для «романо-славян»

Отсутствие понимания, как после освобождения решать проблемы с проживанием и обеспечением пленных романо-славянского происхождения, их транспортировкой во Владивосток и перевозкой на судах в Европу, позиция представителей стран Антанты, а также риски дестабилизировать внутреннее положение в Сибири, вынудили Военное министерство отказаться от своей идеи. 29 апреля 1919 г. военный министр Н. А. Степанов сообщил И. И. Сукину, что «...вопрос об освобождении военнопленных романо-славян 15 мая с. г. Военным министерством был отклонен в связи с ответами представителей ведомств и представителей заинтересованных держав, и никаких распоряжений Главным штабом по этому вопросу не делалось. Что же касается необходимости разрешения, хотя бы частично, вопроса эвакуации военнопленных из пределов России (Сибири), то было бы крайне желательно, чтобы заинтересованные государства и правительства озаботились своевременной присылкой тоннажа, а пока — организацией помощи военнопленным для более сносного их пребывания в пределах России» [4, л. 68].

В результате бывшие подданные Австро-Венгерской империи — сербы, хорваты и словенцы, которых «омское» правительство было настроено скорее освободить и отправить на родину, остались в заключении до окончания Гражданской войны в России. Условия заключения для пленных были достаточно суровыми. Член Югославянского Народного вече подпоручик Пиркович 13 июня 1919 г. писал о положении в Томском лагере: «Из 10 тыс. югославян (очевидное расхождение с официальными данными Военного министерства. — Р. Г.) более 5 тыс. все еще носят австрийскую военную униформу, уже старую и обветшавшую, или отдельные ее части... Жизнь в лагере... это сущий ад для наших людей. Состояние барачников не выдерживает никакой критики, в любой конюшне у нас на родине санитарные условия значительно лучше, чем в этих бараках. В лагере останутся только непригодные к труду пленные, примерно 500 человек, инвалиды и полуинвалиды, им грозит реальная опасность навеки остаться в снегах Сибири, если не будет ока-

зана своевременная материальная помощь. Пища, которую получают в лагере, слишком скудна, а главное большинство уже полтора года не получало смену белья, и на многих вместо белья висят какие-то лохмотья, кишасшие вшами». «Они столько пережили, что утратили веру в идеалы и в человечество, — продолжал Пиркович. — И теперь ни одно событие не в силах вывести их из апатии и вселить в них веру и радость жизни. Ими руководит одно желание — это вернуться домой. Оно единственное дает им силы жить дальше» [7, с. 190 — 191, 194].

Отменяя свое решение об освобождении военнопленных романо-славянского происхождения, Военное министерство Российского правительства А. В. Колчака вместе с тем постаралось создать для них более мягкий режим пребывания в концентрационных лагерях. Начальник Мобилизационного отдела Главного штаба генерал-майор Н. В. Шереховский 17 мая 1919 г. сообщал в Комиссию по делам о пленных МИД: «Ввиду того, что проект об освобождении из плена романо-славян не может получить разрешения в положительном смысле, Главный штаб, во изменение правил, устанавливающих льготы для военнопленных поляков (отношение Мобилизационного отдела от 20 марта с. г. за № 82169 в комиссию о пленных), препровождает при сем выработанные правила о льготах для романо-славян, каковые, если комиссия одобрит, будут преподаны к руководству военным округам» [4, л. 98а — 98а об.].

Новые правила устанавливали особые льготы для военнопленных романо-славянского происхождения, к которым относились итальянцы, карпато-русы, поляки, сербы, словаки, словенцы, украинцы, хорваты и чехи. Согласно документу, военнопленных этих национальностей нужно было «по возможности группировать в концентрационных лагерях в отдельных помещениях (бараках)», предоставлять права «иметь уполномоченных для участия в раздаче и отправке корреспонденции и посылок», «производства необходимых покупок на местных рынках, а также и, по возможности, более широкого пользования прогулками вне лагеря, под надлежащим надзором», «беспрепятственного посещения богослужения, под надлежащим надзором, а также разрешать допуск духовных лиц для удовлетворения религиозной нужды». В отдельных случаях, с разрешения командующего войсками округа, военнопленным романо-славянского происхождения предоставлялось право жительства на частных квартирах, «на основании данных об их лояльности и благонадежности, при условии ручательства местных общественных и национальных организаций и заслуживающих доверия частных лиц, с отобранием подписки о не побеге». Получившие право жить на частных квартирах могли заниматься «трудом соответственно их подготовке и профессии». Кроме того, с разрешения командующего войсками округа и по ходатайству национальных организаций, допускалось перемещение пленных «из одних мест водворения в другие, а также совместное водворение братьев и других близких родственников». Представителям национальных организаций пленных, для их ознакомления с условиями быта заключенных в лагерях и оказания им «помощи материальной и духовной», Главный штаб мог выдавать «именные удостоверения на право посещения мест водворения названных пленных. Наконец, военнопленные «романо-славяне» получали право «вступать в браки на основании существую-

щих на сей предмет общих правил для военнопленных славян всех национальностей» [4, л. 99—99 об.].

Поиск лужицких сербов

В отношении военнопленных сербов в Сибири в 1919 г. отдельное рассмотрение получил вопрос о небольшом числе заключенных — лужицких сербов. Выполнявший в это время должность русского посла в Париже В. А. Маклаков 6 мая 1919 г. писал председателю Комиссии о пленных русского МИД В. Г. Жуковскому: «Председатель делегации лужицких сербов (речь о Арноште Барте, главе Серболужицкого национального комитета. — Р. Г.), действующий при Чехословацкой делегации на Мирной конференции, обратился ко мне с просьбой о содействии к освобождению его соотечественников, находящихся в России в числе военнопленных. Передавая при сем представленный г[осподином] Бартом список, прошу Вас принять его ходатайство в серьезное внимание и о распоряжениях, которые будут сделаны по его поводу, уведомить меня по телеграфу» [4, л. 78].

В отправленный в Омск список вошло всего восемь человек, судьба которых породила огромную переписку разных министерств и ведомств в Сибири. В списке крайне неточно были обозначены места их службы в годы Первой мировой войны и заключения в Сибири: «1. Гюде Ив. Истманн, ландшт[урм] батарея Лигниц II. 1-я рота. Красноярск, Сибирь. 2. Домашке Павел, 2-я рота, Спасское, Владивосток, Зап[адная] Сибирь. 3. Дутчман Август, немецкий военнопленный. Красноярск, Сибирь. 4. Климанн Герман, военнопленный, Томск. Лагерь военнопленных Канск (Сибирь), Енисейской губ[ернии]. 5. Климаш Герман, военнопленный, Томск, лагерь военнопленных, 3-й барак. 6. Петатц Вильгельм, Варман, Первая речка, Владивосток, 1-я рота. 7. Хокун Вильгельм, в Иннокентьевской [станция], б[лиз] Иркутск[а], Азия — Сибирь. Россия, барак 44. 8. Доманке Павел, 2-я рота, Спасское, б[лиз] Владивосток[а], Зап[адная] Сибирь (повтор с п. 2, разное написание фамилии. — Р. Г.) 9. Балков Мартин, Грендерского полка № 9, 2-я рота, в селе Башильна (не удалось атрибутировать станцию, очевидна ошибка в ее написании и переводе. — Р. Г.), Тобольской губ[ернии], гор[одская] тюрьма, Башилинская станция, Сибирь» [4, л. 82].

13 июля управляющий МИД И. И. Сукин озадачил «омскую» Ставку поиском указанных лужицких сербов, запрашивая, «...находятся ли сербы, упоминаемые в списке, в концентрационных лагерях и в каких именно, а также считают ли они себя сербскими подданными» [4, л. 83]. Только 30 сентября 1919 г. начальник Мобилизационного отдела Управления генерал-квартирмейстера при верховном главнокомандующем генерал-майор Н. В. Шереховский смог предоставить сведения о пленных лужицких сербах Тюменского и Иркутского военных округов, обещая при этом сведения, касающиеся Томска, Спасского и Владивостока, направить дополнительно. В направленных им в МИД копиях документов информация была и скудной, и несоответствующей парижскому запросу. Так, начальник штаба тылового округа Восточного фронта 23 сентября сообщал в Ставку, что на учете при Томском округе военнопленного лужицкого серба Мартина Балкова не имеется. Из Томска временно исполняющий должность генерал-квартирмейстера Новокосовский сообщал, что Герман Климан 25 июля командирован для сопровождения лошадей в конский

запас в Читу и из этой командировки в лагерь еще не вернулся. Исполняющий должность окружного генерал-квартирмейстера штаба Иркутского военного округа генерал-майор А. А. Сурнин 5 сентября писал в Ставку, что: «1) военнопленный Хокун Вильгельм в лагере Заиркутского военного городка не числится; 2) военнопленный Климан Отто в лагере в[оенно]пленных гор[ода] Канска не числится; 3) военнопленный Гудеч Иштван находится в лагере в[оенно]пленных гор[ода] Красноярска, не считает себя сербским подданным; 4) военнопленный Дутчманн Август из лагеря в[оенно]пленных гор[ода] Красноярска убыл в штаб 3-й Чехословацкой дивизии» [4, л. 85—88].

В конечном счете запрос по лужицким сербам из Парижа не имел какого-то практического решения. В числе других военнопленных сербов, хорватов и словенцев они оставались в России до конца Гражданской войны. Неудачная попытка освобождения военнопленных «романо-славян» в мае 1919 г. отсрочила начало возвращения сербов, хорватов и словенцев как минимум на год.

Миссия Королевства сербов, хорватов и словенцев и эвакуация (1920—1922 гг.)

Падение дисциплины в югославянских частях белого Восточного фронта, а также необходимость эвакуации многочисленных военнопленных, делало настоятельным приезд миссии Королевства сербов, хорватов и словенцев для организации этого процесса, о чем в октябре 1919 г. настоятельно просил главнокомандующий войсками Антанты М. Жанен [8]. Только 19 января 1920 г. во Владивосток прибыла официальная Военная миссия Королевства, в состав которой входили подполковник Ж. Мичич, майор Д. Трифунович и интендант М. Миланкович. К тому времени белый Восточный фронт уже перестал существовать. Тогда же в Россию на смену генеральному консулу Й. Миланковичу прибыл новый консул Б. Пурич, вступивший в исполнение обязанностей 13 февраля, главной задачей которого стало обеспечение эвакуации [9, с. 461].

Эвакуации к тому времени подлежали несколько тысяч югославян: бывшие военнопленные, вступившие в добровольческие формирования белого Восточного фронта, и пленные, продолжавшие оставаться в лагерях. В конце 1919—начале 1920 г. Красной армией были взяты в плен около 2000 солдат и офицеров Добровольческого полка сербов, хорватов и словенцев имени майора М. Благодича и около 700 — 1-го югославянского полка имени М. Губеца. Все они остались в России до возвращения домой в 1921 г. [5, с. 194]. Помимо них, после поражения белого Восточного фронта в феврале 1920 г., в Чите соединились остатки югославянских полков имени М. Благодича и М. Губеца. Слитые в единый Югославянский полк, они уже не принимали какого-либо участия в боевых действиях в Забайкалье, прибыв во Владивосток в середине апреля 1920 г. (разместившись в лагерях на станции Вторая Речка). После пополнения другими югославянами его численность к лету 1920 г. доходила примерно до 3000 человек. Двухбатальонный полк поступил под начало Военной миссии Королевства сербов, хорватов и словенцев подполковника Ж. Мичича, в то время как общее руководство вел исполнявший обязанности консула Б. Пурич [10, с. 74].

21 июля 1920 г. из Владивостока на родину морем отбыла первая партия сербов, хорватов и словенцев численностью около 1400 человек. 3 августа в Ев-

ропу отбыла вторая партия, состоявшая, по докладу главы военной миссии Ж. Мичича, из «648 офицеров и солдат и 393 наших подданных...». Транспорты с бывшими военнопленными морем следовали в порты Триеста и Дубровника. С отправкой второй партии в Европу миссия Мичича завершила свою работу по эвакуации сосредоточенных на Дальнем Востоке югославян [5, с. 195; 9, с. 462]. Бывший главком войсками Антанты М. Жанен в воспоминаниях, приводя цифры эвакуированных из России чинов национальных формирований, писал о 1500 «сербов» и «югославян», отправленных из Владивостока на родину [11, р. 295, 298], вероятно, помимо отбывших на судах, арендованных миссией Мичича.

Гораздо более длительным путь домой оказался для пленных белых югославянских добровольческих полков, попавших в плен Красной армии, а также военнопленных из лагерей Сибири, в основной массе своей вернувшихся на родину в 1921–1922 гг. Для части из них путь домой также лежал через Владивосток (до мая 1921 г.). После установления советской власти в Приморье в конце 1922 г. ввиду сложностей с арендой судов часть пленных отправлялась по железной дороге до Нарвы, откуда морем добиралась до Германии, а оттуда следовала до Королевства сербов, хорватов и словенцев по железной дороге. Некоторые бывшие пленные небольшими группами или по одиночке добирались до Китая и Индии, откуда также морем они возвращались в Европу [7, с. 218–219].

Заключение

Несмотря на первоначальное стремление Российского правительства адмирала А. В. Колчака освободить и репатриировать югославянских военнопленных для облегчения экономического и политического бремени, эта инициатива весной 1919 г. потерпела неудачу. Решающими стали практические препятствия: предостережения союзного командования о рисках дестабилизации в Сибири, отсутствие транспортных возможностей для массовой эвакуации и неготовность созданных государств в Европе принять своих новых граждан. В результате освобождение было отложено, и большинство пленных оставалось в лагерях в тяжелых условиях до окончания Гражданской войны, а их возвращение на родину растянулось на 1920–1922 гг.

Финансирование / Funding

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00216, <https://rscf.ru/project/24-18-00216/>

The research was supported by RSF (project no. 24-18-00216), <https://rscf.ru/project/24-18-00216/>

Примечание

¹ На полях документа кем-то из должностных лиц в Совете министров оставлена рукописная помета-комментарий напротив упоминания сербов, хорватов, словенцев: «Желают ли они быть подданными госуд[арства] С[ербов]X[орватов и] С[ловенцев]?».

Список источников / References

1. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39499. Оп. 1. Д. 214. 160 л.
Russian State Military Archive (RSMA). File: 39499/1/214/160. (In Russ.).

2. Janin M. Moje učast na Československém boji za svobodu / Z rukopisu přeložil Hanuš Jelínek. Praha: Nakl. J. Otto, 1926. 281 s. (In Czech.).

3. Legras J. L'agonie de la Sibirie (1918–1920). *Le Monde Slave*. 1931;2:38–68. (In Fr.).

4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 641. 106 л.

- State Archive of the Russian Federation (SARF). File: P-200/1/641/106. (In Russ.).

5. Попович Н. Б. «Одиссея от Одессы до Красноярска...» Сербь в Сибири в 1919–1921 гг. // Славянский альманах. 2004. Т. 2003. С. 187–195.

- Popovich N. B. «Odisseya ot Odessy do Krasnoyarska...» Serby v Sibiri v 1919–1921 gg. *Slavianskii Al'manakh*. 2004;2003:187–195. (In Russ.).

6. РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 221. 152 л.

- RSMA. File: 39499/1/221/152. (In Russ.).

7. Тимофеев А. Ю., Вишняков Я. В., Милорадович Г. Битва двуглавых орлов. Очерки по истории русско-сербских отношений в годы Первой мировой войны: монография. Москва: ИИСИ, 2016. 454 с. ISBN 978-5-7893-0253-8.

- Timofeev A. Yu., Vishnyakov Ya. V., Miloradovich G. Bitva dvuglavykh orlov. Ocherki po istorii russko-serbskikh otnosheniy v gody Pervoy mirovoy voyny. Moscow, 2016. 454 p. ISBN 978-5-7893-0253-8. (In Russ.).

8. Service historique de la Defense Château de Vincennes. 16 N. Carton 3810. D. 93. Octobre 1919. (In Fr.).

9. Захаров А. М. «Двоюродные братья»: Славянские добровольческие вооруженные формирования в России. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. 493 с. ISBN: 978-5-8064-2852-4.

- Zakharov A. M. "Dvoyurodnyye brat'ya": Slavyanskiye dobrovol'cheskiye vooruzhennyye formirovaniya v Rossii. 2nd ed., revised and enlarged. Saint Petersburg, 2020. 493 p. ISBN: 978-5-8064-2852-4. (In Russ.).

10. Капустин Л. Г. Обмундирование и форменные отличия сербо-югославянских частей на востоке России // Белая армия. Белое дело. 2017. № 24. С. 62–78.

- Kapustin L. G. Obmundirovanie i formennye otlichiya serbo-yugoslavyskikh chastey na vostokey Rossii. *Belaya Armiya. Beloy Delo*. 2017;24:62–78. (In Russ.).

11. Janin M. Ma mission en Sibirie, 1918–1920. Paris, 1933. 307 p. (In Fr.).

Информация об авторе:

ГАГКУЕВ Руслан Григорьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, член-корреспондент Российской академии образования, председатель Правления Российского исторического общества, г. Москва.

SPIN-код: 3803-4060

AuthorID (PIH): 293012

AuthorID (SCOPUS): 57189051187

ResearcherID: A-134954

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1413-6684>

e-mail: gagkuev@yandex.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 21.12.2025; одобрена после рецензирования 13.01.2026; принята к публикации 02.04.2026.

Information about the author:

GAGKUEV Ruslan Grigorievich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Chairman of the Board of the Russian Historical Society, Moscow.

SPIN-code: 3803-4060

AuthorID (RSCI): 293012

AuthorID (SCOPUS): 57189051187

ResearcherID: A-134954

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1413-6684>

e-mail: gagkuev@yandex.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The article was submitted 21.12.2025; approved after reviewing 13.01.2026; accepted for publication 02.04.2026.